

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 75

Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 75

Collection of papers

Томск

Издательский Дом Томского государственного университета

2018

7. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2007) On the verification of the constitutionality of the provisions of Articles 237, 413 and 418 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of the Presidium of the Kurgan Regional Court: Decision No. 6-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 16, 2007. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 3. (In Russian).
8. Russian Federation. (2008) On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 64-FZ of April 26, 2013. *Rossiyskaya gazeta*. 94. (In Russian).
9. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) On the verification of the constitutionality of the provisions of Part one of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen of the Republic of Uzbekistan, B.T. Gadayev and the request of the Kurgan Regional Court: Resolution No. 16-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 2, 2013. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 6. (In Russian).
10. Russian Federation. (2014) On Amending Articles 236 and 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 269-FZ of July 21, 2014. *Rossiyskaya gazeta*. 166. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216678/23

Д.А. Мезинов

О НЕОБХОДИМОСТИ УТОЧНЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Критически оценивается закрепленный в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации перечень общих условий судебного разбирательства. Руководствуясь пониманием типологических (модельных) свойств отечественного уголовного процесса, обосновывается необходимость закрепления в оцениваемом перечне общих норм о состязательности сторон, более полного и точного формулирования условий непосредственности и устности в отдельных статьях кодекса, а также исключения из данного перечня требования о ведении письменного протокола судебного заседания.

Ключевые слова: общие условия судебного разбирательства, состязательность сторон, непосредственность и устность, протокол судебного заседания.

В качестве общих условий судебного разбирательства в гл. 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в настоящее время закреплены нормативные требования о непосредственности и устности, гласности, неизменности состава суда, равенстве прав сторон, нормы о процессуальном положении в этой стадии председательствующего, секретаря судебного заседания, обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, специалиста, требования о пределах судебного разбирательства, нормы о ведении протокола судебного заседания и др. [1]. Полагаю, данный перечень (как и содержание входящих в него отдельных общих условий) не может не быть подчинен основной целевой направленности уголовного процесса, его принципам, которые, в свою очередь, должны определяться типологическими (модельными) свойствами отечественного уголовного процесса. В связи с этим обратимся к пониманию данных свойств и попытаемся ответить на вопрос: нуждается ли перечень общих условий судебного разбирательства в действующем УПК РФ в каком-либо уточнении и (или) дополнении, насколько он в целом совершенен?

Отечественный уголовный процесс длительное время развивался в рамках континентальной правовой системы [2. С. 76–84] как процесс сугубо розыскного (инквизиционного, следственного) типа (модели), на определенном этапе трансформировавшись в процесс смешанного типа (модели), в котором досудебные стадии сохранили прежний розыскной (следственный) характер, судебные же стадии в основном приобрели обвинительно-состязательный характер, в первую очередь судебное разбирательство как главная судебная стадия [3. С. 137–139]. В России данная трансформация произошла с введением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [4]. Следует заметить, что смешанная модель уголовного процесса сохранила преемственность с предыдущим периодом своего развития в рамках континентальной правовой системы в части подчинения целевой направленности процесса принципу (концепции) материальной (объективной) истины. В то же время важное отличие судебных стадий (в первую очередь судебного разбирательства) появившейся смешанной модели уголовного процесса от таковых предыдущего (чисто розыскного или инквизиционного) исторического периода состоит в том, что эти стадии исходно задумывались на началах (принципах, общих

условиях), противоположных началам досудебных стадий. Так, в этой модели обвинительно-состязательному характеру судебного разбирательства (как в основном и всех судебных стадий) соответствуют начала состязательности сторон, гласности, непосредственности и устности исследования доказательств, в отличие от розыскного характера досудебного производства, которое подчинено принципу следствия, т.е. отсутствия сторон и совмещения в одном лице следователя (судебного следователя, следственного судьи и т.п.) функций и обвинения, и защиты, и разрешения дела с возложением на него обязанности всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств дела, а также началам следственной тайны, опосредованности и письменности исследования доказательств.

При этом судебное разбирательство в смешанной модели уголовного процесса континентальной правовой системы, в отличие от чисто состязательной его модели англо-американской правовой системы, призвано обеспечивать целевую направленность процесса на установление материальной (объективной) истины. Такая его направленность предопределяет придание соответствующего характера началу состязательности сторон, дополнение его активностью (в том числе инициативной) суда в исследовании доказательств, поскольку последний обязан стремиться к установлению материальной (объективной) истины. Кроме того, в судебном разбирательстве смешанной модели уголовного процесса предполагается еще более последовательная реализация начала непосредственности исследования доказательств как важной гарантии обеспечения целевой направленности процесса на установление материальной (объективной) истины.

Оценивая с изложенных позиций перечень общих условий судебного разбирательства, закрепленных в гл. 35 УПК РФ, можно привести следующие суждения.

Прежде всего следует заметить, что, за исключением отдельного правила (по сути, частного характера) о равенстве прав сторон, в числе общих условий судебного разбирательства в гл. 35 УПК РФ общие нормы о состязательности сторон в полном объеме не закреплены. По замыслу законодателя эти нормы выведены на более высокий уровень принципов всего уголовного процесса (ст. 15 УПК РФ). Однако даже поверхностный анализ процессуального положения (особенно реальных целей деятельности) субъекта предварительного расследования

(следователя, дознавателя и т.д.), а также характера, порядка и круга участников проводимых в досудебном производстве следственных действий не позволяет признать уместной попытку законодателя относить этого субъекта к стороне обвинения и вообще усматривать в досудебном производстве состязательность сторон в общепринятом смысле этого понятия, предполагающем наличие полноценных сторон и суд-арбитра. В то же время обращение к нормам глав 36–39 УПК РФ, регламентирующих стадию судебного разбирательства, дает возможность убедиться в последовательном проведении ими начала состязательности сторон [5. С. 73–75; 6. С. 39–48; 7. С. 184–210; 8. С. 62–64].

Думается, что выведение общих норм о состязательности сторон из разряда принципов всего уголовного процесса с закреплением их в качестве общих условий судебного разбирательства в гл. 35 УПК РФ, разумеется, с соответствующим уточнением круга участников сторон, будет адекватно реальному значению этих норм в регулировании современного российского уголовного судопроизводства, проводимого по УПК РФ, а также исходному тяготению этого судопроизводства к смешанной модели уголовного процесса, развивающейся в континентальной правовой системе.

Обращаясь в дальнейшем к таким важным для придания судебному разбирательству обвинительно-состязательного характера общим условиям, как непосредственность и устность исследования доказательств, следует обратить внимание на их закрепление в одной статье УПК РФ (ст. 240) без четкого отграничения друг от друга. Такой, пусть даже традиционный, подход отечественного законодателя вряд ли можно признать целесообразным и правильным. Несмотря на тесную взаимосвязь между началами непосредственности и устности, каждое из них выполняет свою собственную роль в судебном разбирательстве [7. С. 210–247; 9. С. 22–28; 10. С. 157–166; 11]. Из этого следует, что каждое из данных двух условий занимает самостоятельное место в перечне общих условий судебного разбирательства и должно формулироваться более полно и точно в отдельной статье¹.

Далее мы обнаруживаем в одном ряду с другими общими условиями судебного разбирательства правила обязательного ведения пись-

¹ Разработка законодательного определения каждого из названных общих условий – тема отдельного исследования.

менного протокола судебного заседания (ст. 259 УПК РФ). В оправдание данных правил, являющихся выполнением начала письменности, противоположного началу устности, в литературе отмечается, что протокол судебного заседания является одним из главных процессуальных документов, выступает как средство закрепления и передачи (в случае надобности) сведений об обстоятельствах дела, полученных и исследованных в судебном заседании, прежде всего для судов вышестоящих судебных инстанций [3. С. 875; 7. С. 247]. Между тем условие письменности исследования доказательств в судебных стадиях исходно было характерно для исторической розыскной (инквизиционной) модели уголовного процесса, когда судебное разбирательство (если его можно так назвать в рамках этой модели) сводилось в основном к ознакомлению с документами по делу чиновника, его разрешающего, путем их прочтения, что называется, «про себя», и «то, что сказано в заседании, не имело значения, пока не было облечено в форму процессуального документа» [3. С. 874]. Подчинены условию письменности и досудебные стадии в смешанной модели уголовного процесса, что находит выражение в обязательном обосновании принимаемых процессуальных решений (особенно итоговых для стадий) только сведениями, отраженными в протоколах следственных действий и иных процессуальных документах, которые «про себя» прочитываются-изучаются субъектом предварительного расследования и, разумеется, не подвергаются какому-либо устному заслушиванию в ходе публичного заседания.

Полагаю, что обязательность в качестве общего условия судебного разбирательства ведения письменного протокола судебного заседания и ориентация, прежде всего, на его содержание вышестоящих судов, действующих как проверочные судебные инстанции, не может не ограничивать, пусть даже косвенным образом, выполнение условия устности, а в известной мере и условия непосредственности, в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции. Это происходит постольку, поскольку суды первой инстанции при принятии своих приговоров и иных итоговых решений по делу всегда оценивают перспективу будущих апелляционных, кассационных (и надзорных) проверок, стремясь предотвратить отмену или изменение этих решений. Отсюда возникает необходимость тщательного обеспечения судом первой (а затем и апелляционной) инстанции соответствия сведений,

кладущихся в обоснование итогового решения, именно тем сведениям, которые отражены в протоколе судебного заседания, с очевидным и, так сказать, по-человечески понятным признанием приоритета этих сведений перед теми сведениями, которые суд непосредственно видел и слышал в судебном заседании. Эту установку суда первой инстанции вряд ли может преодолеть и правило об изготовлении протокола в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания, поскольку имеет распространение не запрещенная законом удобная и целесообразная практика изготовления протокола по частям, т.е. протокол по результатам прошедших судебных заседаний уже имеется в наличии у суда перед последним судебным заседанием, на котором принимается итоговое решение по делу. Соответственно при принятии этого решения суд имеет перед собой почти полный протокол, и требование к нему руководствоваться тем, что он непосредственно видел и слышал в судебном заседании, а не содержанием протокола, остается лишь пожеланием. Такая практика в основном обуславливается тем, что рассмотрение дела (если оно происходит, разумеется, в обычном, а не особом порядке) нередко затягивается, чему способствует отсутствие среди общих условий судебного разбирательства в современном УПК РФ требования непрерывности судебного процесса.

Таким образом, требование обязательного ведения письменного протокола судебного заседания как противоречащее более важным для обеспечения обвинительно-состязательного характера судебного разбирательства в смешанной модели уголовного процесса требованиям непосредственности и устности исследования доказательств должно быть исключено из перечня общих условий судебного разбирательства, закрепленных в гл. 35 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.
2. Головки Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 65–87.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.
4. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Прав. Сената и циркулярами министра юстиции / под ред. М. Шрамченко, В. Ширкова. 2-е изд. СПб., 1902.

5. Гуськова А.П. К вопросу о криминалистической тактике, методике для нужд судебного следствия // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права : (к 10-летию принятия Конституции России) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 29–30 дек. 2003 г. Екатеринбург : Чароид, 2004. С. 70–80.
6. Соколовская Н.С. Роль суда в состязании сторон по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации. Томск : Том. ун-т систем упр. и радиоэлектр., 2006. 126 с.
7. Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). М. : Юрлитинформ, 2008. 472 с.
8. Мезинов Д.А. Разумна ли состязательность судебного следствия по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 61–69.
9. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. 438 с.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 472 с.
11. Мезинов Д.А. Непосредственность судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, тенденции реализации в современной судебной практике // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 123–126.

ON THE NEED TO CLARIFY THE LIST OF GENERAL CONDITIONS OF THE TRIAL IN THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry A. Mezinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

Keywords: general conditions of trial, adversariality of parties, immediacy and orality, record of hearing.

DOI: 10.17223/9785946216678/23

The paper critically evaluates the list of general conditions of the trial enshrined in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The author is guided by the understanding of the typological (model) properties of Russian criminal procedure. According to the results of the analysis, the necessity of separating the general rules of the adversariality of the parties from the principles of the overall criminal procedure and fixing them as general conditions of the trial in the appropriate chapter of the Code is grounded. In the procedural regulation of the conditions of immediacy and orality, they each perform their own role in the trial; thus a conclusion is made that each of these conditions has an independent place in the list of general conditions of the trial and should be formulated more precisely in a separate article. When assessing the requirement of making a written record of the hearing fixed on a par with other general conditions of the trial,

the author focuses on the fact that this requirement is the implementation of the writing principle (condition), opposite to the orality condition. Taking into account the primary orientation of the court practice on the content of the trial records of higher courts, which are verifying instances, this requirement restricts the satisfaction of the conditions of immediacy and orality in trials in courts of first instance; therefore, the author proposes to exclude it from the list of general conditions of the trial.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2001) The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001, № 174-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 52(1). Art. 4921. (In Russian).
2. Golovko, L.V. (2012) The Theoretical Grounds for Modernization of the Doctrine of Substantive Truth in Criminal Process. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library Scientific Journal*. 4. pp. 65–87. (In Russian).
3. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovolnogo protsessa* [Criminal Process]. Moscow: Statut.
4. Shramchenko, M. & Shirkov, V. (eds) (1902) *Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva s pozdneyshimi uzakoneniyami, zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami Prav. Senata i tsirkulyarami Ministra Yustitsii* [The charter of criminal proceedings with later legalisations, legislative motives, explanations of the Senate and circulars of the Minister of Justice]. St. Petersburg: N.K. Martynov.
5. Guskova, A.P. (2004) [On the forensic tactics, methods for the judicial investigation]. *Advokatura i advokatskaya deyatelnost' v svete sovremenogo konstitutsionnogo prava: (K 10-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossii)* [Advocacy in the Light of Modern Constitutional Law: (To the Centennial Anniversary of the Adoption of the Russian Constitution)]. Proc. of the International Conference. Ekaterinburg. December 29–30, 2003. Ekaterinburg: Charoid. pp. 70–80. (In Russian).
6. Sokolovskaya, N.S. (2006) *Rol' suda v sostyazanii storon po ugovolno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [The role of the court in the adversariality of the parties in the criminal procedural legislation of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
7. Grishin, S.P. (2008) *Sudebnoe sledstvie v smeshannom ugovolnom protsesse (gnoseologicheskii, protsessual'nyi i taktiko-kriminalisticheskii aspekty)* [Judicial investigation in a mixed criminal trial (epistemological, procedural and tactical-criminalistic aspects)]. Moscow: Yurlitinform.
8. Mezinov, D.A. (2014) Is the adversarial judicial investigation under the Criminal Procedural Code of the Russian Federation reasonable? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3(13). pp. 61–69. (In Russian).
9. Viktorskiy, S.I. (1912) *Russkiy ugovolnyy protsess* [Russian Criminal Trial]. 2nd ed. Moscow: A.A. Kartsev.
10. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesssa* [The Soviet criminal process]. Vol. I. Moscow: Nauka.

11. Mezinov, D.A. (2008) Neposredstvennost' sudebnogo razbiratel'stva v ugovnomno sudo-proizvodstve: ponyatie, znachenie, tendentsii realizatsii v sovremennoy sudebnoy praktike [The immediacy of the trial in criminal court proceedings: Concept, meaning, trends of implementation in modern judicial practice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 123–126.

DOI: 10.17223/9785946216678/24

А.А. Михайлов

КВАЗИПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Рассмотрена проблема существования в современном уголовном процессе России квазипроизводств – процессуальных форм с неопределенностью правовой природы и (или) содержания. С учетом использования критериев выделения самостоятельных производств предлагаются направления совершенствования законодательства, относящегося к анализируемым квазипроизводствам, а также делается вывод о необходимости дополнения системы производств уголовного процесса России новым видом производств – альтернативными производствами.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное производство, квазипроизводство, судебный штраф, альтернативные производства.

Одним из несомненных достижений отечественной уголовно-процессуальной науки является разработка теории уголовно-процессуальных производств. Рассмотрение уголовного процесса как совокупности всех производств [1. С. 3] позволяет через четкое структурирование уголовно-процессуальной деятельности выстраивать логику уголовного процесса. Построенная с учетом теории система производств – это своего рода процессуальная «таблица Менделеева», которая определяет место производства в уголовном процессе, объясняет объективную необходимость его существования, а также показывает закономерности формирования новых производств.

В то же время современный уголовный процесс России, характеризующийся значительной эклектичностью, содержит в себе процессуальные формы с неопределенностью правовой природы и (или) содержания, которые условно можно назвать квазипроизводствами.